

Елена Рудакова

Ба

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.9
ББК 84(2)6
Р83

Рудакова Е. О.

Ба / Рудакова Е. О. — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 233 с.

ISBN 978-5-532-94801-3

В старом деревенском доме Илона находит древнюю книгу, принадлежавшую её много раз "пра-" бабушке. Станным образом начав общаться с родственницей, которую Илона называет Ба, она узнаёт о нелёгкой жизни крепостной крестьянки XIX века и решает дать ей второй шанс - шанс прожить жизнь заново. Но правда ли Ба существует? Изображение на обложке: Photo by rawpixel from Pexels. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-94801-3

© Рудакова Е. О., текст, 2017
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	33
Глава 4	49
Глава 5	63
Глава 6	82
Глава 7	94
Глава 8	110
Глава 9	126
Глава 10	142
Глава 11	158
Глава 12	175
Глава 13	191
Глава 14	212

Глава 1

Всё началось в день, когда родители решили продать дачу. Помню, накануне был день рождения подруги, и я пыталась изобразить, что у меня совсем не болит голова. Стоял сентябрь, и пшеничное поле, по которому мы ехали, колыхалось на сильном ветру, как будто над ним сражались невидимые супергерои.

— Илона, всё в порядке? — спросила мама, сидящая за рулём.

Кажется, она заметила, что я держусь за виски, и пришлось изобразить самую счастливую улыбку на Земле.

Я не приезжала на дачу с тех пор, как умерла бабушка, а случилось это ещё в шестом классе. В детстве я терпеть не могла летние месяцы в деревне, тут совсем не было других детей. Мне хотелось приключений, догонялок, игр, а в итоге лето на даче походило на просмотр рекламы в кинотеатре перед показом картины. Вот только фильм в конце так и не пускали, и лето кончалось бессмысленно. К счастью, я провела здесь всего двое каникул.

Родители не любили дачу, потому что путь до неё из Москвы отнимал пять часов. Несколько лет после смерти бабушки дом стоял неприкаянным, но, когда мама нашла в ящике письмо о неуплаченных налогах на землю, они с папой тотчас же решили избавиться от дома, как от старой куртки в шкафу.

— Возьми что захочешь, — сказал папа, когда мы остановились перед домом, а за нами встала Газель грузового такси. — Мебель мы не берём, но поищи что-нибудь прикольное. Может, тут есть царские монеты? Дому-то почти двести лет.

Меня не прельщала перспектива копать в двухсотлетнем хламе, тем более, что я помнила, какого размера в деревне вырастают крысы. Но, пожалуй, тогда, в шестнадцать лет, я впервые почувствовала, то, что зовут ностальгией. Скошенные стены с детскими рисунками в рамках, сломанный чайник на пыльном столе, непишущие ручки в советской банке из-под кофе, запах влажного после дождя дерева...

– Возможно, мы зря продаём дом? – тихо спросила мама, найдя альбом с чёрно-белыми фотографиями. Её голос дрожал, как последний зелёный лист на осенней ветке.

– А что с ним делать? – развёл руки папа, тяжело вздыхая. – Ни у кого из нас нет времени сюда ездить.

Я забралась на мокрый чердак. Крыша давно прохудилась, и на неровном полу чердака образовались глубокие лужи с зелёным налётом водорослей. Здесь спрятались тюки со старой одеждой да поломанные грабли с лопатами. В углу нашёлся древний комод, но ящики не открывались, оставаясь нетронутыми, наверное, с дня отмены крепостного права.

Однако на столешнице комода нашлась старая книжонка в чёрной и липкой, как спина лягушки, обложке. Название «Молитвенникъ» еле заметно проступало на тёмной коже. Жёлтые страницы осыпались по краям, но на полях виднелись заметки от руки.

– Ого, – удивился папа, увидев книгу, когда я спустилась с чердака, покрытая вековой пылью. – Написано, год издания тысяча восемьсот тридцать девятый. Надя, кому это могло принадлежать, как думаешь?

– Хм, да откуда же я знаю, – пожала плечами мама. – Какому-нибудь прапрапрадедушке Илоны. Твоя бабушка, Илона, не любила рассказывать про прошлое.

Ни я, ни мама, ни папа не смогли расшифровать ни одного рукописного слова на полях.

– Теперь не ругайте меня за плохой почерк, – попросила я, глядя на каракули предка.

К закату все нужные вещи были сложены, и Газель отправилась в Москву, а мы пили чай на веранде. Наш дом стоял за сельской церковью, и солнце каждый вечер садилось за неё, подсвечивая окна изнутри красным или персиковым цветом, похожим на тот, который получается, когда просвечиваешь руку ярким фонарём.

– Вот и всё, – сказала мама, допивая чай.

– То есть всё крутое, что завалилось в заброшенном доме – это старая Библия? – разочарованно спросила меня в школе соседка по

парте Саша. – Или молитвенник. Какая разница? Не, я не рассчитывала на истории про призраков, конечно, но хотя бы на здоровых таких пауков, которые ловят кошек...

– Такие только в Австралии бывают, – посмеялась я.

Саша закатила глаза и перебросила светлую косу с одного плеча на другое. Её веки всегда наполовину прикрывали глаза, как будто Саша жила в полусне.

– После деревни мне снятся жуткие сны, – пожаловалась я шёпотом, чтобы англичанка не услышала.

– Про кого? – Саша меланхолично рисовала в тетради на полях.

– Не знаю... Может, быть про родственников, которые жили в этом доме? Мы с родителями пытались разобрать, что написано в книжке, и там на обложке с обратной стороны написано слово, похожее на «Алёна». Наверное, у меня была сколько-то раз пра- бабушка по имени Алёна.

– В девятнадцатом веке женщинам вообще разрешалось читать? – усмехнулась Саша.

– Ну, Библия не считалась за «читать» возможно. Бабушка рассказывала, что кто-то из нашей семьи служил в храме. И Алёну при храме учили, может быть.

– Надо её дух призвать, – подмигнула мне подруга. – Помнишь, как в началке Пиковую даму вызывали?

– Помню, как ты выпрыгнула из окна второго этажа, когда дверь от сквозняка хлопнула, – стукнула я Сашу по плечу.

Саша стукнула меня в ответ и громко захихикала, так что англичанке пришлось вклеить нам в дневники по замечанию.

Прошла осень, наступила зима, а я давно забыла про книгу из проданного деревенского дома.

Но однажды, торопясь в выходной день на подготовительные курсы, я случайно наткнулась на молитвенник в ящике стола. Вокруг книги ворохом валялись крошки истлевшей жёлтой бумаги, но я лишь запахнула всё глубже в стол, поняв, что времени на уборку нет.

Сидя в холодном метро между бабушкой, вяжущей рыжий шарф, и мужчиной, разбивающим кристаллы на смартфоне, я подумала: «Алёна, а что бы ты сказала, если бы была здесь?»

Я оглядела вагон, полный уставших, но сытых и здоровых людей. Была ли Алёна сыта посреди зимы в деревне за триста вёрст от Москвы? Была ли она тепло одета? Торопилась ли она куда-нибудь двести лет назад, как сейчас торопится её прапраправнучка Илона? Сколько бы ей потребовалось времени, чтобы смириться с необходимостью ехать в подземном поезде на курсы по ненавистой математике?

«Смотри, вот он, двадцать первый век, – говорила про себя я, глядя перед собой на парня в ярко-красных наушниках. – У нас неплохо, тебе бы понравилось. Интересно, ты знаешь, что такое музыка?»

«Разумеется, знаю, – ответила я сама себе, играя роль Алёны. – Дорогая, невозможно перетерпеть летнюю страду без песен».

Мои курсы находились на Пушкинском бульваре, и, выбегая из метро, я оглядывалась и думала:

«А вот и Москва. Ты её никогда и не видела, наверное?»

«Из деревни далеко-то не поглядишь, – ответила я за Алёну. – Да и кто отпустит? Вот, с отцом была давеча в Твери на базаре, так он говорит, что делать девке в городе нечего».

«Это Пушкин, – думала я, пробегая мимо памятника. – Знаешь такого?»

«Откуда знать-то? Но памятник большой, а я в Твери маленький видала».

«А в Твери кому памятник?» – удивилась я и поняла, что хоть в Твери никогда не была, но вполне представляю её старые улицы и покосившиеся особнячки.

«Да кто его знает! Дворянину какому-нибудь».

«А ты, получается, крепостная?» – сочувственно спросила я, минуя театр мюзиклов и забегая в нужный дом.

«А как же! – почему-то гордо ответила я за Алёну. – Но дворянский дом у нас прямёхенько через дорогу. Рядом с нашей хатой и князьям жить не срамно, такой терем отец построил!»

Вспомнив покосившийся сруб дачного дома, я усмехнулась.

Вбежав в класс математики, я извинилась за опоздание и забыла про разговор с воображаемой родственницей.

– Импрессионисты гордились свежим взглядом на мир, – декламировала лысая учительница по ИЗО, задумчиво глядя в окно. – Они могли нарисовать картину за десять минут, и я хочу от вас того же. Огляните наш класс свежим взглядом, выберите любой предмет и запечатлейте его.

– Она не обидится, если я выберу её? – нахмурилась Саша, глядя на учительницу. – И запечатлею в виде кошки-сфинкса. Похожа на мою Фиалку, такая же гадина.

– Думаю, сойдёт, – усмехнулась я, – она любит самые неадекватные работы. Помнишь, как она превозносила Серёжино художество с одной кляксой на листе?

– Ах, Серёжину... – Саша мечтательно уставилась на затылок Серёжи за первой партой, а я лишь закатила глаза. При упоминании о Серёже Саша теряла связь с реальностью, как космический зонд Вояджер-1 с Землёй.

«Интересно, ты когда-нибудь рисовала?» – мысленно спросила я Алёну, дабы прекратить представлять, как Саша улетает за пределы Солнечной Системы.

«Все рисуют, – ответила я за Алёну, – у меня не было красок, как у тебя, но мы с братьями и сёстрами возились в глине, как дождь проходил. Тогда и художничали».

«И что рисовали?»

«Да всё подряд. Солнце, деревья, отца с мамкой, церковь у дому. Вот Федот рисовал на загляденье, да давеча помер от холеры».

– Неплохо! – похвалила учительница, глядя на мою картину.

На учительском столе стояла женская гипсовая голова для портретов. Недавно по её лбу пошла трещина, и я нарисовала рядом две головы: одну с трещиной, другую – без.

– Я бы назвала эту картину «Memento mori», – вдохновлённо продолжала учительница.

– Момент что? – не поняла я.

– «Помни о смерти», – презрительно бросила учительница. – Ты, очевидно, сама не поняла какую глубину вложила в картину. Это действительно... новый взгляд.

Мне показалось, что учительница смахнула слезу, отходя к следующей парте и ругая одноклассника за банально нарисованный кактус.

– Чего это она? – нахмурилась Саша.

Я могла лишь пожать плечами.

«Так, что происходит?» – недоумевал у меня в голове голос Алёны на физике.

«Да если бы я знала», – ответила я, автоматически переписывая с доски ход решения задачи.

«Но ты же записываешь, выходит, понимаешь. Чудно, что ты умеешь читать, писать и рисовать. Но на прошлых классах я хоть кумекала, о чём говорили, а тут и устную речь словно позабыла. Иксы-шмиксы сплошные. Чудная церковная школа».

«Это обычная школа, – вздохнула я, пытаясь заглушить голос Алёны в голове. – Сейчас все это учат».

«Зачем это?» – удивилась Алёна.

«Хотела бы я знать... Сама терпеть не могу».

«Слушай, да это хуже крепостного права! – я почти увидела, как Алёна уперла руки в боки. – Ладно ещё мужика заставлять цифры писать, но бабу-то несмыслённую за что!»

Я аж подавилась от неожиданности. Саша стала бить меня по спине, а учительница поинтересовалась всё ли хорошо. К счастью, кого-то вызвали к доске, и я от облегчения растеклась по парте, как кетчуп по картошке фри.

«В двадцать первом веке всех учат одинаково», – с обидой сказала я Алёне.

«Да зачем бабонек-то мучать? – рассмеялась Алёна. – На кой тебе эта... физика? Без неё что ль за домом не приходишь?»

«Женщины дома не сидят, – с раздражением думала я, – все получают образование и работают так же, как и мужчины»

«Ой, да прямо и так же! – мерзко-насмешливым тоном говорила Алёна. – Али баба городovým станет? Али в газету писать будет? Али учить знатных князьёв в университетах?»

«Да, всё это можно», – думала я, наблюдая за решением на доске.

«Срам какой! Да ведь какая бабонька с этим управится? Вот ты сидишь тут, а зачем? Ни в зуб ногой в мужицкой физике не смыслишь!»

«Дела не в том, какого я пола, – я до боли сжала ручку в кулаке. – Просто у меня к ней нет таланта... А вот посмотри на доску. Там Даша решает задачу и нормально справляется».

«Да ну тебя! – захохала Алёна. – Али я поверю, что это не мужик? Да у неё волосы короче, чем у всех ребят на селе!»

– Илона... Илона! – тыкала меня в бок Саша. – Открой таблицу с коэффициентами.

Пытаясь понять, что это за коэффициенты, я листала учебник, когда услышала приговор:

– Кузнецова к доске, задача триста седьмая.

Закономерно я получила двойку.

Кончалась зима, начиналась весна, а я всё рассказывала и рассказывала Алёне про то, что в церковные школы ходят единицы, что мужчины и женщины работают одинаково, и что князей и графов давно нет.

Теперь, когда я смотрела какой-нибудь фильм или сериал, приходилось объяснять ей все детали, всё, что произошло в мире с девятнадцатого века по наши дни. Хотя и про свой век Алёна знала так же мало, как муравей про верхушки деревьев. Карта мира и названия стран вызывали недоумение, а фамилии известных политиков и писателей её времени – смех.

– Последние дни так странно себя чувствую, – жаловалась я Саше, когда мы с ней поехали гулять в Парк Горького, празднуя начало весны и наблюдая за прорывающейся из-под снега травой. – Ты не подумай, что я сумасшедшая, но... у тебя были в детстве воображаемые друзья?